

УДК 811.161.1'373.2

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ В ОДЕЖДЕ СЛОВА

В. П. Васильев, Э. В. Васильева

THE NATIVE LAND THROUGH THE WORD

V. P. Vasilyev, E. V. Vasilyeva

В рецензии оценивается уровень, новизна и результативность исследования микротопонимии замкнутой территории с позиции современных требований и нужд языкознания.

The review centres on the level, novelty and result characteristics of the research of the microtoponims, functioning in a separate area. The research is based on the present-day linguistic analysis methodology and methods.

Ключевые слова: микротопонимия, языковая картина мира, концепты «пространство», «время», «человек», «число», «сакральность».

Keywords: microtoponimia, the linguistic picture of the world, the concepts «space», «time», «man», «number», «sacral».

Топонимическое «безвремя», сложившееся в русском языкознании на рубеже веков [1], преодолевается в новом тысячелетии рядом знаменательных работ по изучению географических названий России, соответствующему современному идеалу научного знания [2; 3; 4; 7]. Прорыв в топонимике к новому пониманию языка и его роли в жизни общества осуществляется благодаря двум обстоятельствам – накоплению научными школами и центрами значительного топонимического материала, вызвавшего новые аспекты его анализа, и продуктивной интеграции топонимики с этнолингвистикой, когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией.

Образцом воплощения подобного двуединства является монографическое исследование Л. А. Климовой, посвящённое изучению нижегородской микротопонимии как региональному фрагменту языковой картины мира (ЯКМ).

В нём онимы, обозначающие архитектуру освоенной человеком земли, рассматриваются с позиции теоретических принципов традиционной и обновлённой лингвистики. Это означает, что микротопонимы анализируются не только как единицы системно-структурной организации языка, но и как элементы лингвокультурного пространства, которые, воплощая когнитивно-вербальные представления о видении мира диалектной общностью, включают в себя переработанные и репрезентированные знания об окружающей действительности (систему знаний), различную степень информированности носителя языка о номинированном локусе, отношение в крестьянской культуре к ценностям, выработанные и закреплённые нормы и традиции [5, с. 54]. Таким образом, проблемно-тематические ориентации исследования направлены на культурно-исторически обусловленные когнитивные модели, проявленные микротопонимией в лексической системе и дискурсе как формах её бытия.

Монографическое исследование предваряется основательными сведениями по истории, географии, этнографии особого ареального единства южных районов Нижегородщины и характеристикой лингвистического изучения региона на протяжении по-

лутора веков. Автор определяет место и способы описания онимического (микротопонимического) фрагмента «языка повседневности сельских жителей», бытующего в середине – второй половине XX в.

Содержание работы уместается в двух разделах – методолого-теоретическом и исследовательском, знакомящем с микротопонимией Окско-Волжско-Сурского междуречья в языковом и концептуальном аспектах. Производит впечатление обширнейший научный контекст (более полутысячи источников), в который включается работа, и её насыщенность взглядами, концепциями, аспектами рассмотрения и пр. Исходя из имеющихся в научной литературе данных, а также опираясь на собственные наблюдения и предшествующие многолетние разыскания, авторы предоставляют читателю широкую панораму микротопонимии края, которая мастерски укладывается в четыре концептуальных русла: *пространство, время, человек, число* и *сокральность* – чему соответствуют четыре аналитические главы. В них исследовательское внимание сосредоточивается на раскрытии особенностей региональной ЯКМ через вербализацию микротопонимами её ключевых представлений о мире.

Для решения фундаментальной проблемы, поставленной в книге, Л. А. Климова привлекает к рассмотрению внушительный по своему богатству и разнообразию микротопонимический материал, потребовавший долговременного сбора и титанического труда по обработке и систематизации. Предварительное лексикографическое запечатление огромного корпуса региональных номинаций (18 тыс. единиц) в отраслевом словаре [6] по меркам одного составителя выглядит весьма солидным. Основательность фактологической и научной базы красноречиво свидетельствует о подвижничестве учёного, исключает возможность произвольных построений и выводов, служит их дополнительной аргументацией. Систематически проводимая связь обсуждения общих вопросов и конкретного анализа – безусловное достоинство монографии. Вместе с тем осуществлённый анализ воплощает индивидуальный исследовательский курс автора, что повышает уровень работы.

В первом разделе формируются основные «интонации» исследования, делаются промеры общих проблем (картина мира, проприальность как категория, синкретичность номинации в микропонимии и т. п.) и оттачивается собственный методологический и методический инструментарий. Обращают на себя внимание и заслуживают положительной оценки следующие моменты: выделение в качестве единицы анализа микропонимических комплексов, позволяющих произвести статико-динамические наблюдения и выйти на широкие горизонты этнолингвокультурологических, историко-лингвистических, культурно-исторических обобщений; сочетание системно-семасиологического, ономастиологического и когнитивно-дискурсивного анализов (учёт экстралингвистических факторов при лингвистическом анализе; опора на пропозиции, которые подтверждают или вскрывают суть микропонима как локализатора, выявляют меру субъективности и объективности, абсолютности и относительности оценок и их совмещение); приспособление теории поля к ономическому анализу, установление динамики ядра/ периферии для микро-, мезо- и макротерритории и т. д.

Центральное место в исследовательском разделе бесспорно и закономерно занимает концепт *пространство*, поскольку он является онтологической сутью физико-географического континуума, «субъекты» которого становятся объектами микропонимической номинации. Здесь автору приходится преодолевать весьма прихотливое разнообразие эмпирики, способное привести в отчаяние любого систематизатора, стремящегося к классификационной логике. Массив нижегородских микропонимов сводится учёным в многомерный строй онимов с различными проекциями и срезами, помогающими показать его в разных поворотах и глубинах. Л. А. Климову интересуют, как именуются микропонимы с точки зрения их местонахождения, направления расположения, размера и формы. Самой представительной, как выясняется, становится микропонимическая квалификация местонахождения, в которой задействуются номинанты, производные от разных частей речи (*Грань, Околица, Выселки, Дальний родник, Шестое поле*), неодиноквые по словообразовательной структуре и способам словообразования, являющиеся различными грамматическими конструкциями, образующими разные тематические группы производящих апеллятивов с общим пространственным (*Середина, Куток*) и непространственным значением (*Грачи, Комаровка*).

В изумительном калейдоскопе имен и именованных реалий окружающей среды автору удается уловить мотивы, релевантные для номинации и номинативного картирования: субстантив с пространственным значением, девербатив, ориентированные наименования, адъективы-квалификаторы и параметрические прилагательные, а также квантитивы, зоонимы и отмакропонимические единицы.

Средства выражения других пространственных параметров в Окско-Волжско-Сурской микропонимии объективно более однообразны. Исследова-

тель констатирует такое преимущественное обозначение направления расположения объекта, как отсубстантивные или отадъективные единицы со значением сторон света или их заместители (*юг, южный, Солнечная улица, Красная Полянка*) при нехарактерности именованных *правый, левый* и амбивалентности *юга и востока, севера и запада*. А для обозначения размера микропонимического пространства указываются параметрические прилагательные, причем, как правило, являющиеся именами объектов большого размера и / или имеющих большую горизонтальную протяженность (длинных и широких). В качестве маркёров формы микропонимов называются параметрические адъективы (*кривой, прямой, круглый, острый*), субстантивные метафоры круга (*Глобус 'о поле', Котёл 'о лесе'*), сужения (*Клин 'о лесе'*) и пересечения (*Кресты*). Всё это находит убедительную ввелингвистическую аргументацию.

В итоге анализа концепта обнаруживается сложная гамма пространственных характеристик микропонимов, образующих полевою структуру с тремя дистанционными поясами, из которых детальной номинативной разработанностью отличаются ядерная зона и ближний дистанционный пояс как основа жизненного пространства человека. Исследователь вскрывает центробежное картирование сельской местности, в котором номинативным ядром служит дом коллективного субъекта. Микропонимическая система обрисовывает пространство, отражая способ застройки, тип его физического и социального освоения, что порождает яркие языковые образы задних и близких объектов. Превалирование признаков, кладущихся в основу номинации локуса, объективно объясняется особенностями равнинного рельефа, субъективно потребностями хозяйственной деятельности и особенностями мироощущения земледельца. Отсюда проистекает языковое отображение одного из регионов Поволжья как пространственной горизонтали.

При микропонимической репрезентации концепта *человек*, исследователь получает большую возможность прямого выхода в этнолингвокультурологическую эвристическую нишу. Л. А. Климова рассматривает человека как индивидуума, как часть этноса, социума, гендера. Дополнительно в связи с этим ею осмысливается коннотативное сопровождение ономастикона. В результате устанавливается этнохронотоп (специфика демографической ситуации региона в разные исторические периоды и факт исконности финноугорского населения на, по преимуществу, русскоязычной территории), который, усложняясь за счет социального и гендерного аспектов рассмотрения, утверждается как андрологический этносоциохронотоп, подчеркивающий значимость таких верифицированных языком культурно-исторических параметров личности, как общественное, имущественное положение, род хозяйственной деятельности мужского населения: *Уланиха, Казачий пруд, Стрелецкая слобода, Ямское поле, Лесникова поляна, Пастуший дол, Солдатский куст, Богатый посёлок, Голошубиха, Дьяково, Попов пруд* и т. д.

Андроцентричность описываемого сегмента микротопонимического фрагмента ЯКМ усиливают обозначения, связанные с трудовой деятельностью местного населения: *Конопляная, Калилка, Торфяники, Угольная Яма, Бортная улица, Пчельнишина вершина, Бондарка, Лубяной враг, Мочилище, Дегтярное поле, Поруб*.

В микротопонимии автору удаётся, кроме того, пронаблюдать социально- и историко-экономическое устройство края в прошлом (*Графининские ключи, Дворянский лес, Барский посад, Царева чащоба, Князев родник*) с его атрибутами и событиями (*Псарный пруд, Пасьяново, Спорный враг, Столытино, Отрезные участки*), проследить свидетельства общинного уклада жизни селян и единоличного хозяйствования (*Удельный просек, Мирской пруд, Казенная сторона, Местный колодезь, Душевая земля*). Особую социокультурную значимость приобретает вскрытая оппозиция *богатый 'имеющий землю' – бедный 'безземельный'*.

Самым объёмным в рамках вербализаторов анализируемого концепта является отэпонимический блок микротопонимов. В таких онимах фиксируется отношение к географическому объекту индивидуального лица, чьим именем, отчеством, прозвищем или чьей фамилией он поименован (*Иванушкин кордон, Киселёв пруд, Луконькина дорога, Катюхин колодец*), что обычно происходит по принципу пространственной смежности. См.: *Жуково болото: Тут на углу какой-то Жуков жил, вот и Жуково болото* (Липовка Ард.). Приводимые дискурсивные данные параллельно дают информацию об имущественном, социальном статусе лица, имя которого используется, его возрасте, профессии и пр., чем обогащают и завершают эскизы поименования: *Козлова роцца. Абъездчиком был, паля абъезджал, патаму и назвали Казлова роцца* (Пушкарка Арз.). Отэпонимические микротопонимы фиксируют также имена первоначальников и/или обусловлены экстремальным эпизодом частной жизни, оставившим след в коллективной памяти.

В индивидуальном аспекте отантропонимических номинаций исследователь вполне уместно усматривает коннотативное сознание, свойственное именам-гипокористикам: *Машенькин проулок, Пелагеюшкин пруд, Гришутин колодец*. Вместе с тем функциональный регистр изобразительности, на наш взгляд, содержит в себе самостоятельный ономастический «слой», имеющий свой резерв номинативных средств и захватывающий также другие концепты (см. метафора: *Голенище 'о части деревни'*, деминутивы: *Голубое доньшко 'об озере'*, вторичная проприальная номинация: *Шанхай*) или занимающий межконцептуальную зону (см. эпитет: *Вишвый пруд*).

В связи с многообразием проявления концепта *время*, отрефлектированном в различных темпоральных концепциях, автор осмысливает его в восполняющих друг друга аспектах – проприальном, апеллятивном и дискурсивном, каждый из которых характеризуется своей спецификой в репрезентации времени. При этом он исходит из понимания изоморфизма разнообразных моделей времени и

многообразия средств его выражения. Детально проводя как пословный, так и групповой анализ темпоративов, учёный вскрывает их смысловую природу, семантическую диалектику и синкретизм, тем самым задаёт языковые основания для установления степени разработанности параметров членения времени, его концептуального облика в ядерном и периферийном отображении.

Наиболее податливым для обнаружения «тайн» темпоральной ЯКМ, как мы понимаем, является её апеллятивный план. Соответствующая ему идеографическая упорядоченность времяобозначений материализует большой набор шкал времени в отдельности и совмещённо: ср. суточная (*заря, рассвет, утро...*), сезонная (*зима, зимой...*), календарная (*январь, февраль...*), событийная (пробуждение, начало и окончание трудовой деятельности)... и – суточная + событийная (*заря – пробуждение, дойка и выгон коров на пастбище; утро – топка печи, стряпня, наряд на работу* и т. д.), сезонная + календарная (*в мае мы сё картошку-ту сажам*) и др. Вместе с тем отмечается, что цикличность крестьянского бытия сосуществует с его линейным измерением (*давно – сейчас – потом, старый – новый*), и показывается языковая связанность того и другого (см. лексему *новый*).

В дискурсивном плане время рассматривается в связи с семиозисом микротопонима, его дальнейшей жизнью как знака. Дискурсивный разворот микротопонима с учётом поддерживающих его апеллятивов обнажает «отношения названия объекта к тому или иному времени, времени состоявшейся референции и отнесения её к точке отсчёта» [7, с. 228]. Однако роль микротопонима и его текста, как убедительно продемонстрировано в исследовании, во всём этом неодинакова. К примеру, живой внутренней формой онима *Колхозный пруд* объективируется его временная локализация (во время существования колхоза), а в тексте раскрывается событийный фон референции (вырыли пруд) и время оценки присвоения номинации референту (при колхозе). Однако признаётся всеобъемлющей роль дискурса, так как в нём фиксируются «все временные вехи жизни названия и его внутренней формы» [7, с. 229]. С помощью различного временного строя предложений, наполняемости их глагольными и наречными показателями, а также характера использования этих показателей реализуются неодинаковые возможности и источники для опоры временной референции собственного имени. Нередко при его концептуализации требуется апелляция к концептам памяти, движения, возраста человека.

Категориальная интерпретация географических микрообъектов, как свидетельствует работа, в основном сводится к их характеристике на шкале линейного времени. В такой темпоральной манифестации микротопонимов прежде всего отмечается участие единиц *старый – новый*, которые в своём прототипическом значении передают семы 'давно'-'недавно', 'раньше'-'позже', 'прежде'-'теперь', 'сейчас'. Лексема *новый*, будучи подвижным членом

оппозиции, способным отобразить динамику микро-топонима во времени, может заменяться симилярами с видоизменённым ракурсом видения объекта (*Молодая роца, Третье поле*) или подвергаться темпоральному смещению в сторону позитивной аксиологии или ретроспекции: новый как 'хороший, лучший' (*Новый пруд*); новый как 'давний' (*Новая дорога*), 'ранний' или 'прежний'. Социальными маркерами времени называются также историзмы (*Барынька* 'родник', *Графские* 'часть села', *Овинник* 'место в деревне'), устаревшие слова (*Портомойное* 'озеро') и другие категории слов (*Пугачёва гора, Кузнечная улица, Мельников бугор* 'пригорок', *Кооперативная улица, Колхозное болото*), определяющие микротопоним в качестве имени отдалённого и недавнего прошлого. Аналоговая смысловая модель как коренная дублируется в оппозициях *большой – малый, ближний – дальний*.

В меньшей степени в статичной структуре микротопонима живописуются и другие модели времени, такие как: циклическая (*Зимник* 'овраг' < *зимник* 'дорога, по которой ездят только зимой', *Полденька* 'улица' < *полдень* 'середина дня...', 'юг', *Вечная земля* 'поле'), досуговая (*Гульбишный овраг, Троицкая* 'улица'), возрастная (*Бабушкина поляна* 'луг').

В процессе подобного анализа проприального компонента регионального языка устанавливается то, что темпоральное картирование мира покоится на:

а) доминировании линейного времени при существовании мозаичной системы временных моделей;

б) ориентации к ретроспекции (обращённости к опыту и авторитету предков относительно номинации объекта, мотивации названия) на фоне проспективного (до нас – при нас – после нас) как выражению сохранности традиции; в) нерасторжимой связи времени, пространства и человека, или существовании этносоциохронотопа.

Религиозный профиль региональной ЯКМ, символизируемый концептом *сакральность*, раскрывается через семантику агимикропонимов, организованную оппозициями «божественное - inferнальное» (*Святой родник, Троицкая околица, Успенский лес, Староверки* 'овраг' и – *Чёртов ров* 'луг', *Водяное болото, Ведьмин враг* 'овраг'), «верхний – нижний (локусы)» (*Свят-дух* 'холм', *Святой колодезь* и – *Шишигин овраг, Чёртов поворот, Русалочный пруд, Чёрный омут*). Кроме того, удачно подмечается, что наименования-опозиты ассоциативно коннотируются осложняющими их семантику микропонятиями: к примеру, *Святой родник* осмысливается диалектоносителями и как *хороший, чистый, целебный* и др.

Развёрнутый анализ сакрального корпуса микропонимов завершается важными для историографии русского крестьянства утверждениями об устойчивой религиозности русской деревни, органически присущей крестьянству, что теснит неоправданно встречающееся мнение о внешнем характере его религиозности, о доминировании право-

славного элемента в языческо-христианском мировоззрении селян, о преобладании идеи святости в номинировании объектов деревенского бытия.

Монография Л. А. Климковой, связанная с одним из перспективных направлений когнитивно и культурно ориентированной теории языка – изучением ЯКМ в статическом и динамическом аспектах, показывает, в каком объёме и какого качества человеческий опыт отражается в онимах замкнутого региона, а также проясняет стоящие за ними приоритеты крестьянской ментальности. Свидетельством этого служит воссозданный автором образ *родной земли*, несущий, по его мнению, следы серебряного века крестьянства. В свете выявленных ключевых понятий этот образ предстаёт в виде *мужицкой Святой Руси с её доминирующим общинным интересом к обжитой равнинной земле как к условию благосостояния для крестьянина-землепашца, Руси, помнящей и чтящей опыт и традиции предков, но неизбежно обновляющейся*. В этом, как нам представляется, квинтэссенция интерпретации Л. А. Климковой фрагмента ЯКМ конкретного сельского социума.

Монографией Л. А. Климковой можно продемонстрировать то, что топонимика, изучая язык земли на основе дискурсивной очевидности русскоговорящих, отражающей как общественное, так и личностное сознание, не отрывается от реальной жизни, от сферы бытия конкретных людей, тем самым устанавливает смысловую связь науки с жизненным миром и утверждает её человеческую размерность. Топонимисты в лице Л. А. Климковой успешно вступили на широкое поле деятельности «антропологов от лингвистики», реализуя их установки через когнитивное изучение языка в его семиотической и дискурсивной реализациях, объективирующих познавательную сферу человека и концепты его сознания.

Литература

1. Березович, Е. Л. Русская ономастика на современном этапе / Е. Л. Березович // Изв. РАН. Сер. Лит. и яз. – 2000. – № 6. – С. 34 – 46.
2. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 532 с.
3. Васильева, С. П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира / С. П. Васильева: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тюмень, 2006.
4. Дмитриева, Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы / Л. М. Дмитриева: дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2002. – 367 с.
5. Евтеев, С. В. Интеркультура и перевод / С. В. Евтеев // Ментальность. Коммуникация. Перевод. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 51 – 63.
6. Климкова, Л. А. Микропонимический словарь Нижегородской области / Л. А. Климкова. – Арзамас: МПГУ: АГПИ, 2006. – Т. 1 – 3.
7. Климкова, Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира / Л. А. Климкова. – М.: МПГУ, Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.